

Михаил Марк

Спасители Златоземья

КНИГА ПЕРВАЯ ХРУСТАЛЬНОЕ СЕРДЦЕ

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ
В ЗНАКОМОМ НОВОМ МИРЕ**

«Автограф»

2022

Пролог

Руки дрожали и едва удерживали перо с листом пожелтевшей от сырости и времени бумаги.

Хотелось написать многое и как можно яснее, однако не было ни сил, ни времени на обдумывание выводимых слово за словом предложений.

Грязная, с обветрившейся кожей, изрезанная рука со следами свежей крови окунула перо в чернильницу в последний раз и, поставив закорючку, отбросила его в сторону. Затем обе руки метнулись вверх и опустились на бумагу уже с бронзовым медальоном, оттягивающим цепочку.

Руки смяли лист в комок, завернув в него, таким образом, замысловатый символ из бронзы, и понесли его куда-то над столом и дальше. Они зависли над зеркалом, лежавшим плашмя на отдельной каменной тумбе и обрамлённом массивной медной рамой.

Пальцы разжались, и клочок полетел вниз. Но вместо того, чтобы отскочить от отражающей глади, он плюхнулся в тягучую поверхность необычного зеркала, а затем погрузился и исчез в его глубине.

Круги на поверхности такого жидкого зеркала улеглись, поглотив ком бумаги, и предмет вновь принял ничем собой не примечательный вид.

Глава 1

Виринея

Двое юношей поднялись на невысокое всхолмье, и ветер освежил их ещё полусонные лица. Внешне они были столь же похожи, сколь и отличались: оба были одного роста, хотя один немного сутулился, давно не стриженные тёмно-каштановые волосы одинаково завивались на концах, у одного были необычные светло-серые глаза, у другого — карие. Сутулившегося со светлыми глазами звали Лиафар, второго, с точёными чертами лица, — Агат. Они были лучшими друзьями, названными братьями, коими и представлялись незнакомым людям.

Обратив взор к затянутому тучами небосводу, Лиафар произнёс, с укором глядя на серую завесу:

— Как бы сегодня вечером дождь не полил. А то, как хлынет в разгар праздника...

— А что, заодно всей деревней и помоемся, — невесело пошутил Агат. Он тоже окинул взглядом угрюмое небо, и улыбка его поугасла. — Да уж, мне всё кажется, что тучи день ото дня всё чернее.

Лиафар запустил руку в нечёсанные волосы, задумчиво прищурился и пожал плечами.

— Лишь бы сегодня эта чернота всё не испортила.

В тот день деревушка Островок отмечала внушительную дату — двести пятьдесят лет со дня основания здесь первого поселения, впрочем, точный день был неизвестен, а потому выбран произвольно. Надо сказать, что праздник намечался лишь благодаря стараниям старосты — Велимира, желавшего приободрить островитян, пребывавших последнее время в унынии.

Примерно полгода назад жители деревни стали замечать не свойственные природе явления. Весной было так мало солнца, что лишь редкие деревья обзавелись листвой. Частые дожди и град побили ягоду и пшеницу. Летом ненастная погода только укрепилась. Сельское хозяйство пришло в упадок. А когда закончилась череда осадков, оказалось, что земля уже не пригодна для насаждений и утратила былое плодородие. А солнце... Люди забыли, когда лицезрели светило в последний раз. Наличие его определялось расплывчатым пятном на сером пологие. Лишь привычка запастись впрок позволила избежать жуткого голода.

Долгое время все недоумевали и делились переживаниями. Одни говорили, что некая богиня плодородия оставила мир людей, другие — что какой-то могущественный злодей наслал проклятие на весь людской род. В общем, фантазировали безудержно и отчаянно.

— А как думаешь, правда, что Мираж существует? — обратился к другу Лиафар, вспомнив одну из версий происходящего, услышанную накануне.

— Шутишь? — с подозрением посмотрел на него Агат. — Птица Мираж?

— Ну... — замялся Лиафар. — Ты же сам слышал вчерашний разговор. Старики говорили о птице, будто она взаправду существует... природой управляет...

— Ага. И людей оживляет!

— Ну, вообще-то дядюшка Горин сказал, что она *способна пробудить от вечного сна*, — уточнил Лиафар, насупив густые брови.

— Да, а ещё дядя Горин поклялся, что Мираж несколько лет назад в его саду яблоками угощалась да ни единого на ветках не оставила. Только он её не видел, однако утверждает, что слышал шорох крыльев...

Лиафар прыснул, припомнив эпизод шестилетней давности:

— Это он, верно, про тот случай, когда мы на его дереве побывали. Чуть ли не все яблоки ободрали.

— Точно, помню, — расплылся в улыбке Агат. Через мгновение выражение его лица сменилось на брезгливое, и он добавил: — Особенно хорошо помню, как меня потом мутило от этих яблок...

Лиафар жил с дедом Дивадом и бабушкой Варей. Родителей он лишился в десятилетнем возрасте. В день, когда это случилось, разыгрался ужасный шторм, едва не смывший деревню с лица земли. Анна и Влад уже должны были возвратиться из путешествия в Семигорск, где проживала с семьёй старшая сестра Анны, Гаурата. Беспokoясь за дочь и зятя, Дивад отправился к берегу. Издали он разглядел лодку, подбрасываемую на волнах, и сердцем почувствовал, что в ней находились дочь с мужем. Но когда Дивад, преодолевая порывистый ветер, спустился к берегу, обнаружил лишь обломки. Старик едва не обезумел от горя и продолжал искать признаки пропавших до тех пор, пока к нему не спустились Варя с Лиафаром. Последние просто не сумели усидеть дома, предчувствуя неладное и беспокоясь за родных.

Мальчик крайне тяжело переживал утрату и долго не мог

прийти в себя. Лишь призрачная надежда на то, что родители выжили в шторме и оказались где-нибудь у берегов Павловска, придавала силы и веру в лучшее. Раз за разом он представлял, как папа и мама появляются на горизонте, на борту корабля с белоснежными парусами — высокие, сияющие...

Прошло почти восемь лет. Лиафар вырос крепким мышлёным юношей. Ничем неординарным он от сверстников не отличался, а яркой чертой его характера было одно поразительное качество, которое удалось сохранить с ранних лет: он никогда не лгал и доверял окружающим, просто потому что не мог взять в толк, ради чего обманывать или хитрить. Родители считали это очень ценным даром, хотя и предупреждали, что нельзя безоговорочно верить всему, что видят глаза и слышат уши, ведь всегда найдутся те, кто не прочь воспользоваться доверчивостью других.

На момент начала крутых перемен в жизни Лиафару было семнадцать, а до восемнадцатилетия оставалось всего две недели. Он никогда не замечал за собой ничего необычайного, жизнь считал обыкновенной и старался радоваться каждому дню, как учили его родители.

Под звуки разносившегося в утреннем воздухе карканья оголтелых ворон, облюбовавших остров, друзья спустились с холма и двинулись в Общественный сад, куда их отправил Роман, отец Агата.

Агат совсем не походил на Романа. В отличие от отца, имевшего русую шевелюру, сын был темноволосым, с точёными чертами лица — копия матери. Однако её-то Агат никогда не видел. После родов что-то пошло не так, и спустя короткое время она скончалась. Тогда забота о новорождённом сыне стала главным смыслом жизни и поддерживающей

силой для Романа. Многие годы он совмещал родительские обязанности, пока не сблизился с талантливой кулинаркой Адивой, помогавшей ему по дому.

Ещё год назад светило солнце и Островок дышал яркой жизнью: под ногами пружинила высокая трава, в воздухе пахло душистыми цветами, деревья качали пышными кронами на ветру, а плодородная земля радовала большими всходами. В ту пору Роман с Адивой и сыграли свадьбу. Праздник удался на славу. В поле за домом Романа, где высилась единственная на всю деревню мельница, собрались тогда все жители.

Островок славился искусными землепашцами и виноделами. Здесь каждый второй имел перед домом раскидистую лозу, и всякий уважавший себя старец считал за честь изготовить вино из собственного винограда, чтобы потом угостить соседей. А некоторые ещё и зарабатывали, продавая урожай в пристани соседнего Павловска, куда прибывали купцы из заморских стран. Дивад тоже плавал на рынок — возил вино — и часто брал с собой Лиафара. К слову, год назад дедовский напиток был подан самому царю — Дандору Белгородскому, и с тех пор готовился исключительно для государя. Агат тоже бывал на рынке в пристани — с отцом: пшеницы у них всегда было много. Нередко юноши отправлялись в Павловск и без старших.

Поскольку деревня не изобиловала плодоносными растениями, жители Островка обходились без пышных застолий. Местные собирались устроить скромный увеселительный вечер с играми и танцами у костра. Уж чего-чего, а хвороста на территории было в избытке. Потому-то Лиафара с Агатом и отправили в Общественный сад. Раньше здесь островитяне любили отдыхать летними жаркими днями, лёжа на душистой траве в тени раскидистых деревьев. А ныне

неизвестно почему деревья стремительно увядали: после прошедшей зимы на ветках так и не появилось свежей листвы, а прочие, особенно молодые растения, осунулись и омертвели.

Друзья почти два часа выкорчёвывали из земли и обрубали погибшие деревья. Когда образовалась немалая гора дров, Лиафар и Агат пошли передохнуть под ветвями огромного орехового дерева, избежавшего, по счастью, расправы над собой, так как ещё цело и плодоносило.

На окраине сада стояла старая хижина, где обитал загадочный островитянин. Звали его Агафоном. Этот светловолосый мужчина средних лет редко покидал дом, почти ни с кем не общался — в общем, жил в затворничестве. Никто не помнил, когда и откуда он появился в деревне. Из-за его нелюдимости, островитяне решили, что Агафон не в ладах с головой. Впрочем, выяснять, так ли это на самом деле, никто не рвался.

Лиафар увидел на ветках несколько плодов и полез вверх по стволу. А Агат сел у корней и, тяжело вздохнув, заговорил:

— Отец так очарован Адивой, что совсем забыл обо мне. Вспоминает, лишь когда нужно перетащить мешки с пшеницей или перемолоть её в муку.

Лиафар думал промолчать, ведь за последнее время Агат не единожды заводил подобные речи, но всё же решил последний раз приободрить названного брата.

— Он о тебе вовсе не забыл. Просто они совсем недавно поженились. Новому человеку в семье нужно больше внимания.

— Да почти год прошёл, по-твоему, это мало?

— Конечно, — отвечал сверху Лиафар, корябая руки, но продолжая подниматься всё выше. Он любил ощущение

высоты и с радостью подставлял покрасневшее после труда лицо прохладному ветру. — Бывший посторонним человек стал частью семьи...

— А я частью семьи уже не являюсь? Мне, может, вообще уйти из дома? Или что прикажешь делать? — обратился Агат к другу, словно тот мог повлиять на ситуацию.

— Радоваться! Радуйся за отца и Адиву. Дяде Роману многое пришлось пережить, он заслуживает счастья как никто другой, — ответил Лиафар и добавил слегка раздражённо: — И кончай ныть, тебя это не красит.

— А я счастья не заслуживаю? — Агат пропустил мимо ушей последние слова Лиафара.

— Не говори глупостей. Твой отец никогда о тебе не забывал и не забудет. Кроме того, со мной тебе одиночество не грозит.

Агат смутился, хотя и пытался не подавать виду. Он притих и уставился в даль, в сотый раз мысленно ругая непогоду, зловредно действовавшую на душевное состояние. В это время в окне стоящей поблизости хижины мелькнуло лицо в обрамлении светлых волос.

— Не захочешь жить под одной крышей с мачехой, всегда можешь попроситься к Агафону, — сказал насмешливо Лиафар, чуть понизив голос, хотя обитатель хижины не мог услышать его слов на таком внушительном расстоянии.

— Вот и пойду... Ты это сейчас говоришь, что будешь всегда рядом, а вот женишься — и здороваться со мной перестанешь...

— Да рановато мне жениться.

— Тебе почти восемнадцать, — напомнил Агат.

— На себя посмотри! — делано оскорбился Лиафар. — Я старше тебя всего на три месяца!

— Вот именно! И едва ты женишься, меня начнут дони-

мать. Всегда с тобой сравнивали, а потом и подавно станут говорить... *Смотри сынок, твой друг женился, пора бы и тебе!.. Вы с Лифаром с детства точно братья, давай не отставай!*

— И только в этом проблема? — деловитым тоном заметил Лиафар. — А я-то думал, сложность в том, чтобы отыскать невесту...

— Смейся, смейся, — не глядя вверх на Лиафара, бубнил Агат. — Тебе вот тоже никто не встретился. Невесты с неба не падают.

Как раз в этот миг на землю перед Агатом упал обронённый Лиафаром орех в почерневшей кожуре.

— Что за намёк? О такой скукоженной и морщинистой невесте я уж точно не мечтаю, — крутя в руках орех, решительно помотал головой Агат.

Друзья вновь принялись за дело, и каждый, набрав по охапке ветвей, отправился в поле мельника, где строился большой костёр — главная забава для молодёжи. Его обычно собирали и поджигали на праздник летнего солнцестояния во второй половине июля, однако в ту пору не прекращались проливные дожди, и потому островитяне остались без праздника. Вот староста Велимир и задумал совместить два события.

Подталкиваемые ветром, Лиафар и Агат шли по просёлочной дороге мимо пустынных полей и деревянных домиков с голыми огородами, обнесёнными косыми заборами. Наконец они приблизились к дому Лиафара. Там под окном Варя, полненькая добродушная старушка с убранными под платок седыми волосами, стирала в корыте рубашку мужа, в то время как тот рыбачил у моря. Старушка попросила юношей натаскать воды из колодца, что они и сделали, как

только побросали дрова в общую кучу на поле. На уставших руках остались царапины от веток, было приятно промыть их, а заодно умыться из бочки с холодной дождевой водой.

Вскоре с добычей вернулся Дивад — сухопарый старик, оставшийся почти без волос на голове, но сохранивший острый взгляд. Пока Варя готовила пойманную дедом рыбу, Лиафар и Агат решили сразиться в настольную игру, однажды приобретённую Владом на зеленоградской ярмарке. Один старался вывести фигурку князя из центра игрового поля, а второй перекрывал ему ход фигурками нападавших. Оба считали, что победу определяет мастерство, однако, когда Агат проиграл, он с уверенностью заявил, что Лиафару просто повезло. Впрочем, он не сильно расстроился и, подвинувшись, уступил место Диваду.

Вскоре Варя попросила убрать игру и накрыла на стол, поставив посередине глиняный горшочек с рыбой, сваренной вперемешку с рубленной картошкой под душистой зеленью.

— Рыбы в море очень мало, — заметил Дивад, приступив к трапезе. — Иль уплыла, иль померла, уж и не знаю... Впору ворон ловить, их-то над деревней целая туча летает. Скорей бы это ненастье закончилось!

Все одобрительно закивали.

— Мы вчера прогуливались мимо дома дяди Горина, — заговорил Лиафар, собираясь поделиться недавними событиями. — Он сидел со стариками возле ворот, попросил помочь ему землю вспахать...

— Это он любит — людей припахивать! — хмыкнул Дивад.

— Это точно. Ну, мы пока лопатами махали, много чего наслышались, — продолжил Лиафар. — Дядя Горин обсуждал с товарищами птицу Мираж...

— Не стоит верить всему, что говорят люди, — не дослу-

шав, предупредил Дивад. Он частенько поругивал внука за легковёрность. — Тем более, если это слова Горина. Он тот ещё сказочник!

— Но он говорил с такой уверенностью, — словно оправдываясь, сказал Лиафар. — Говорил о каких-то богатырях, которых отправили на спасение птицы. О чародеях говорил... Значит, чушь всё это?

— Ну, может, не всё, — с большей снисходительностью отозвался дед. — Помнишь, мы рассказывали, как однажды за твоей тётушкой, за Гауратой, прибыл в деревню загадочный странник? Как он нам сказал, он услышал о нашей дочери, точнее о её даре предвидения, и посчитал необходимым пригласить её в особое... как же он назвал их сообщество? — Дивад повернулся вполоборота к Варе, снимавшей котелок с огня. — Братство колдунов?

— Орден чародеев, — напомнила Варя.

— Да, наверное... Разве всё упомнишь, — неопределённо высказался Дивад. — В общем, про чародеев, может, и правду говорят, хотя откуда старикам знать о делах, коими заняты чародеи? Те скрытны, не ходят по деревням и весям, рассказывая каждому встречному о своём ремесле. Вот и того мужчину, не помню его имени, какое-то заковыристое, мы с того дня ни разу и не видели, а ведь Гаурата много лет прослужила в Ордене.

— Значит, чародеи могут вернуть погожие дни? — с надеждой спросил Агат.

— Видимо, не могут, — скептически заметил старик. Судя по виду, он был не самого лучшего мнения о чародеях. — Иначе давно бы непогода ушла. С начала года я из валенок не вылезаю, а ведь сейчас лето на дворе.

— Значит, птица Мираж тоже не выдумка? — понадеялся Лиафар.

— Не знаю, внучек, — покачал головой Дивад. — Не зря её назвали Мираж, ведь не видел её никто своими глазами. А такие, как Горин, сами слухи и распускают. Да, когда-то по земле много чудных созданий ходило и по небу летало, а чародеев было пруд пруди. Но что говорить о минувших днях, когда нынче есть проблемы поважнее. Коль не распогодится и не вернётся прежний уклад природы, с голоду все перемерём. Еды всё меньше, запасы на исходе, как и денежные сбережения.

— Может, мне на рынок в Павловск отправиться? — предложил Лиафар. — Есть ведь в погребе пара лишних бочонков вина...

— Даже не думай! — отрезал старик. — У нас, конечно, каждая монета на счету, но откуда знать, появится ли на винограднике ещё хоть кисточка: как тогда пополнять запасы?

Зная строгий нрав старика, спорить с ним Лиафар не стал. В детстве хватало одного дедовского взгляда, чтобы в комнате установилась тишина, и, хотя со смертью Анны и Влада Дивад стал проявлять к Лиафару бóльшую мягкость, раскидать он всё же ему не позволял.

После завершения обеда Агат ушёл в поле — помогать отцу («Не могу же я пойти домой и оставаться там наедине с Адивой», — проворчал он у дверей), а Лиафар решил вздремнуть.

В комнате стояла широкая кровать с небольшим сундуком у изголовья, крошечное окно выходило на огород: голый и угрюмый, с тянущимися по столбам навеса плетями винограда. Уставший от сбора древесины и разморённый сытным обедом, он с блаженством улёгся в кровать и начал представлять себе удивительный мир, в котором он странствует по дальним землям и встречает крылатых

людей, чародеев, дивных зверей и птиц.

Одетый в белое Лиафар шагал по лесной тропинке, а сквозь густую зелёную листву лился свет. Воздух наполнял аромат душистых цветов, а поляны устилала высокая трава. Над головой порхали бабочки и крохотные птички. Лес напомнил ему Общественный сад в дни самого пышного его цветения, но это место было куда прекрасней. А свет, заливавший пространство... Лиафар такого никогда не видел.

Слух наполняла не то музыка, не то женский голос, напевавший нечто очень красивое и умиротворяющее. Он побрёл на голос, охваченный горячим желанием скорее отыскать обладательницу мелодичного голоса. Тот вёл его по тропе, выплывавшей из светлой всепоглощающей дымки и уводящей всё дальше в сияние чудесного леса.

Наконец тропинка вывела его на поляну, посреди которой стояла спиной высокая стройная фигура в длинном платье с широкими рукавами, окантованными золотой тесьмой. Излучающие блеск локоны насыщенного пшеничного оттенка качались на слабом ветру.

— Это сон? — вырвалось у Лиафара. Обычно сновидения воспринимались иначе, и понимание, что сон — это сон, приходило лишь в миг пробуждения, однако здесь всё было иначе. — Кто вы?

В тот же миг дева, затихнув, обернулась. И взору Лиафара предстала неопишуемой красоты женщина: румяные щёки, зеленовато-карие глаза, длинные густые ресницы. Её яркие губы расплылись в улыбке, и она проговорила нежным голосом:

— Здравствуй, Лиафар! Моё имя Виринья. Я давно искала встречи с тобой и очень рада тебя увидеть!

«Откуда она меня знает? — задался вопросом Лиафар. —

Мне она совсем незнакома... Как же она в моём сне оказалась?».

— Не твой это сон, — вдруг, словно услышав мысли Лиафара, произнесла Виринея. — Да и не сон это вовсе.

— Тогда как же я здесь оказался? — с трудом воспринимая происходящее, спросил юноша.

— Я должна была тебя увидеть. И предупредить...

— О чём? Что я натворил? — забеспокоился Лиафар, хотя обстановка вокруг совершенно не способствовала разрастанию паники.

Женщина нежно улыбнулась и неторопливо покачала головой из стороны в сторону. Двигалась она столь плавно и грациозно, что оторваться не было сил.

— Ничего, дорогой. Я искала тебя не для того, чтобы в чём-то обвинить, а чтобы сообщить... Ты избран для миссии. На самом деле, давно избран.

«Избран? — промелькнуло в мыслях Лиафара. — Кем... и для чего? Для чего-то опасного?».

— Не тревожься, — вновь угадала мысли юноши Виринея. — Сейчас не о чем беспокоиться, тебе ничто не угрожает. И тебе действительно под силу исполнить поручение, которое избавит нас от большой беды.

— Я не понимаю, что за поручение?

— Об этом ты узнаешь чуть позже. Все подробности тебе растолкует мудрец.

— Кто? — в очередной раз спросил Лиафар, совершенно сбитый с толку.

— Чародей, странствующий по миру, собирающий по крупицам истинное знание и помогающий дельными советами. За умение всегда находить нужные слова и видеть сердца людей его и прозвали мудрецом, — пояснила Виринея, вызвав, однако, у Лиафара куда больше вопросов.

— Он придёт ко мне? Когда?

— Уже очень скоро. Он в пути. И чтобы он был уверен, что перед ним тот самый человек, я должна отметить тебя символом Избранника.

Виринея подплыла к Лиафару и вытянула белоснежную руку, приглашая последовать её примеру. После некоторого колебания Лиафар покорился. Протянутую юношей кисть Виринея сжала обеими руками, и между ними вдруг пробились лучи света. Они засияли ярче и заполнили всё пространство вокруг.

— Теперь в твоих руках судьба Златоземья! — эхом прозвучали слова Виринеи в голове Лиафара, и он проснулся.

Глубоко дыша, словно вынырнул из воды, он оглядел комнату, не понимая, что с ним произошло. Да, это был определённо сон, но... Всё было так живо и ясно. И тепло... Он вдруг замер, ощутив в правой руке посторонний предмет. Лиафар сел в постели и, прежде чем раскрыть кулак, взглянул на его тыльную сторону. Там красовался отпечаток загадочного символа в виде искры и двух переплетающихся волнистых линий.

— Символ Избранника? — еле выговорил от удивления юноша.

Глава 2

Предназначение Спасителя

Лиафар раскрыл кулак и обнаружил на ладони ком бумаги: пожелтевшей, с загадочными тёмно-бордовыми пятнами. Подрагивающими пальцами он развернул бумажный свёрток, и на колени ему упал бронзовый медальон с цепочкой.

Медальон не был футляром для хранения каких-нибудь крошечных объектов, скорее, походил на амулет с узором в виде всё того же переплетения двух лент, извивающихся и встречающихся в центральной искре. Вид медальона невольно вызвал у Лиафара ассоциации с компасом, хотя сходство было весьма незначительным.

Пребывая в полном замешательстве, Лиафар отложил медальон и обратился к смятой бумаге. Он ужаснулся, постигнув происхождение бордовых пятен: то были следы крови. Затем испуг уступил место новой волне удивления, так как выведенные строки на запятнанном чьей-то кровью листе начинались с его имени. Буквы плясали, слова едва можно было разобрать.

Лиафар, скоро тебе придётся выбирать. Сделай правильный выбор! Истина, как и луна на свете, всего одна.

Лиафар оторвался от загадочного послания и хмуро уставился на медальон.

— Выбирать... Между чем?

Недоумевая, он вскочил с кровати, спешно оделся, положил письмо с медальоном в левый карман штанов, а в правый сунул руку с отпечатком таинственного символа и помчался в поле к Агату.

Названный брат помогал обвязывать верёвкой высокую конструкцию, сложенную из ветвей разной длины и толщины. Пришлось дожидаться, пока Агат освободится. Лиафар отвёл его в сторону и поведал о необычном сновидении. В подтверждение сказанного, он явил ошеломлённому взгляду друга медальон с письмом.

— И на руке такой же рисунок! — удивился взбудораженный Агат. — А письмо Виринея написала?

— Понятия не имею, — честно ответил Лиафар.

— А здесь не написано ничего такого, что указывало бы на автора письма? — Агат протянул руку за смятым листом.

Взяв бумагу, он отвёл её подальше от глаз и стал читать. Зрение у Агата было не самым лучшим — он был дальновзорким, но вблизи не разбирал написанного.

— Нет, имени там нет... Зато медальон есть, — отметил Лиафар, передавая символ на цепочке.

— Вот это диво! — не удержался от восклицания друг, так что его услышали строители костра. Они завершили сооружение шестиметровой древесной башни, и слова Агата приняли за восхищение высотой костра. Довольные собой, трудяги стали расходиться по домам.

Костёр установили шагах в пятидесяти от покрхтывающей мельницы, и друзья сели под её вращающимися крыльями. Они обменялись мыслями, но ни один не мог дать разумного объяснения, каким образом эмблема Спасителя

перенеслась из сна в реальность. Да ещё письмо.

— Может, эта Вириная — ведьма? — предположил Агат. — Прикинулась красавицей, а сама задумала что-то недоброе. Помнишь, Алера рассказывала, что у неё в доме однажды останавливались женщины, которые добавили каких-то трав в котёл с ужином, и наутро все выглядели писаными красавицами... Хотя, как она сама говорит, поутру все женщины — ведьмы.

Лиафар знал, что «ведьма» происходит от безобидного слова «ведать», но последние столетия женщин называли ведьмами исключительно в недоброжелательном ключе. И как же теперь относиться к привидевшейся во сне женщине, явно обладающей колдовской силой?

— Ну, допустим. А как же всё остальное? Да и зачем прикидываться тем, кем ты не являешься? И для чего? Чтобы вручить мне медальон? Почему нельзя было сделать это при встрече?

Так, размышляя и недоумевая, друзья просидели до наступления сумерек, когда полёт их разыгравшейся фантазии прервал общий знакомый Танир. Веснушчатый юноша с шапкой каштановых кудрей на голове отличался повышенным интересом ко всему окружающему. Он сходу попытствовал о содержании послания в руках Лиафара, но Агат соврал, что это старый рецепт, переданный Адивой для Вари, и Лиафар быстро убрал смятый клочок в карман.

В поле неторопливо сходилась вся деревня, почти как год назад на свадьбу Романа и Адивы. Вынесли скамьи, несколько столов, поставили на них напитки из сухофруктов, немного еды и вина. Островитяне разделились: некоторые привязали ленточки к поясу, другие добавили их к сплетённому из тонких прутьев венкам, старик Горин надел соломенную шляпу с широкими полями, из-под которой лосни-

лись редкие, но аккуратно причёсанные волосы. Явились и музыканты. Беседуя, шутя и хохоча, собравшиеся ожидали старосту Островка.

Темнеющее небо было неизменно серым, ветер — слабым, мрачное окружение — всё тем же. Однако цветные наряды островитян и развевающиеся всюду разноцветные ленты радовали взор, приподнимали настроение.

Отправившись домой за стариками, Лиафар спрятал медальон и письмо под подушку и, во избежание ненужных расспросов, обмотал руку куском ткани, словно завязав порез. Дивад в порыве щедрости и предвкушения долгожданного праздника велел внуку достать из погреба один бочонок вина. Выходя за порог, бабушка заметила, что Лиафар обхватывает бочонок обвязанной рукой и выразила беспокойство, но он неуклюже соврал, пробубнив про ссадину, оставленную веткой.

Наконец, когда вся деревня наполнила подготовленное для торжества поле, явился староста Велимир. Дородный, одетый в пальто с меховым воротником, скрывающим короткую шею, мужчина в годах широко улыбался, приветственно кивал собравшимся, охотно пожимал руки, в общем, вёл себя, по обыкновению, учтиво. Оглядев улыбающимися глазами нарядную толпу, он принял поданную ему кружку медовухи и поднял её чуть выше, призывая к тишине.

— Друзья мои! Летом тысяча триста двадцать девятого года на островной клочок земли в море прибыли первые семьи, коим в Золотореченске было дано разрешение на переселение. Они вызвались самостоятельно обустроить необитаемое место и наладить здесь жизнь. С тех пор минуло двести пятьдесят лет!

Жизнерадостному Велимиру ответили оживлёнными

голосами и ликованием. Уставшие от непогоды и неурожая островитяне благодарно и с надеждой взирали на старосту, ожидая от него ободряющих речей. И после короткого перечисления трудностей и лишений, с которыми всем пришлось столкнуться за последние несколько месяцев, он всё-таки закончил своё обращение обнадёживающими словами о пробуждении природного плодородия, на что, разумеется, надеялись все собравшиеся.

После завершения речи старосты, старшие мужчины пригубили вина, а затем к древесной башне приблизился высокий поджарый мужчина с чуть продолговатым лицом — отец Агата. Он поднёс горящий факел, и по верхнему слою из хвороста тотчас побежали языки огня. Ветка за веткой, под радостные крики островитян костёр вспыхнул высоким пламенем, получше маяка, стоявшего на окраине деревни и сообщавшего проплывающим кораблям о расположении острова.

Заиграла музыка, и большая часть островитян пустилась в пляс. Дети и взрослые образовывали хороводы и в танце кружили вокруг костра, освещённые полыханием высокого пламени. В числе танцующих были и Лиафар с Агатом. В противовес энергичному и порой безрассудному поведению названного брата, Лиафар обладал сдержанным характером, но всеобщее веселье захватило обоих, не позволив остаться в стороне.

Поглощённые радостным настроением, друзья и думать забыли про таинственный сон Лиафара. Улыбающиеся лица, залиvistый смех сверстниц и заводная музыка слились в один развесёлый вихрь.

— Костёр скоро рухнет, — выплясывая в такт музыке, предостерёг Агат.

И, словно повинувшись его словам, костёр угрожающе

затрещал. Танцующие отпрянули, и сооружение из полыхающей древесины заходило ходуном, а затем, под рёв ликующей гурьбы, рухнуло и распалось. Теперь высота пламени догоравшего костра не превышала даже метра. Молодёжь, по старой традиции, начала прыгать через костёр по двое-трое. Согласно повериям, огонь вбирал самое дурное, что есть в человеке, а также исполнял загаданное в прыжке желание. Поверие это уходило корнями в древность, но сохранилось и стало частью современных традиций, особенно полюбившихся молодому поколению.

Островитяне шутили, смеялись, танцевали или вели непринуждённые беседы. Старики сидели чуть в стороне от шумной музыки и распивали вино Дивада. Самый дородный из них, в соломенной шляпе, с густыми усами на широком лице, рассказывал очередную байку. Периодически в рассказе всплывали забавные подробности, и порядком охмелевшая компания взрывалась дружным хохотом.

Лиафар и Агат присели передохнуть, а заодно утолить жажду чуть поодаль от них.

— Дядя Горин, похоже, в ударе, — кивком указав на усатого рассказчика, заметил Агат.

— Мне никогда не разобрать, правду он говорит или сочиняет, — признался Лиафар. — Ему бы сказки слагать.

— Так он сейчас этим и занимается. Сочиняет на ходу, — с уверенностью заявил Агат. — Не удивлюсь, если это он или его предки придумали легенды про леших, русалок и...

Агат прервался на полуслове. Сощурился, он уставился куда-то в темноту.

— Глянь туда, никак Агафон на праздник пожаловал?

Лиафар посмотрел в указанном другом направлении и заметил фигуру, скрытую в тени мельницы. Мужчина

с пшенично-светлыми волосами держался поодаль и надеялся, что никто не обратит на него внимания, однако, как и Агат, некоторые из островитян заметили застенчивого соседа, а дети и вовсе стали показывать на него пальцами.

— Подходи, не стесняйся! — крикнул дядя Горин — один из всей компании, стоявшей вблизи мельницы. Желая бодрее выразить дружелюбие, он добавил: — Не кусаемся мы!

Но Агафон не отозвался, даже не шелохнулся. Простояв неподвижно несколько секунд, он затем отвёл взгляд в сторону, точно не слышал призыва, а происходящее празднество не заслуживало внимания. Теперь он неотрывно смотрел в ночное небо.

— Совсем того! — покрутив пальцем у виска, ехидно бросил старик Горин и продолжил свой увлекательный рассказ с того места, на котором остановился.

Агафон же так и остался стоять с поднятой головой. Названные братья, переглянувшись, пожали плечами. Человеку не прикажешь. Да и вряд ли стоило связываться с тем, кого считают безумцем, — неизвестно, чем всё обернётся.

Друзья попивали напиток из сухофруктов и смотрели на пляшущую толпу. Островитяне явно не собирались расколоться, хотя вечер был поздним. Несколько младших детей посапывали на руках матерей, и те звали мужей, чтобы вместе отправиться домой.

Лиафар вновь глянул в направлении неподвижной фигуры Агафона и неожиданно встретился с ним взглядом. Тот широко улыбнулся, отчего Лиафар пришёл в полное замешательство. Но не успел юноша решить, стоит ли отвечать на улыбку, а полоумный островитянин уже вернулся к созерцанию ночного небосвода.

Лиафар собирался поделиться произошедшим с Агатом, как вдруг подул ветер — резкий и порывистый. Крылья

мельницы со скрипом завертелись быстрее; ленты на шестах и наряды жителей деревни затрепетали на ветру; от углей на месте бывшего костра поднялись искры. Чей-то взволнованный выкрик обратил всеобщее внимание к небу, и музыка тотчас стихла. Нечто массивное двигалось по воздуху над островом, всё увеличиваясь в размерах.

— Корабль! — крикнул кто-то из толпы.

Островитяне не поверили своим глазам. Старик Горин крепко моргнул, решив, видимо, что объект в небе ему привиделся. В вышине действительно парило большое деревянное судно в форме исполинского орла. Нос корабля украшала голова гордой птицы с крупным клювом, бока были оформлены сложенными из дерева огромными крыльями, а из спины чудной древесной птицы тянулись вверх мачты с молочными парусами. Корабль стремительно снижался. Лиафар перевёл взгляд на то место, где стоял Агафон, но его и след простыл.

Раскрыв от изумления рты, островитяне наблюдали за чудом: корабль опускался в поле чуть в стороне от праздника. Борта его не было видно, как и людей на нём. Но вот, едва он коснулся земли, а гигантские вёсла врезались в твёрдую почву, невидимая сила спустила трап. Островитяне с опаской двинулись к летательному судну и затаили дыхание в ожидании неведомого...

Из-за крыла показалась высокая фигура в тёмно-синих одеждах.

«Мудрец!» — сразу понял Лиафар.

Седобородый чужеземец спустился по трапу и встал в свете огней. Его лицо не было старым, но казалось суровым и усталым, и в то же время, излучало явное добродушие. Звучным бодрым голосом он пронзил тишину и усмирил ветер.

— Доброго вечера и славного празднования! — поздоро-

вался он и чуть поклонился, и все увидели, что голова его покрыта ещё более светлыми, чем борода, седыми волосами. — Прошу прощения, что помешал вашему веселью.

Из-за складок плаща на уровне пояса у незваного гостя выглядывала рукоять меча, украшенная светло-голубым камнем. Среди островитян пронёсся шёпот, многие обратили взоры на старосту Велимира, застывшего на месте с приоткрытым ртом. Поймав на себе взгляды и словно вспомнив, кто здесь староста, он тихо откашлялся и выступил вперёд.

— Кхм... И вам здравствуйте! А... вы кто будете, позвольте узнать? — спросил он, стараясь скрыть замешательство за учтивой улыбкой.

— Меня именуют мудрецом, — отвечал чужеземец. — Прибыл я из дальних стран. Не хотел вам помешать, не думал, что в столь поздний час буду приземляться в разгар праздника. И снова прошу меня простить. А привело меня важное дело: я разыскиваю Избранника.

В ответ последовало недоумённое молчание. А у Лиафара, стоявшего в толпе, бешено забилося сердце в груди. Находясь в полном смятении, он пытался разобраться в путавшихся мыслях. Мог ли он быть уверен, что он и есть Избранник? Уверен ли, что всё это не сон? Что ему делать? Как быть? Казалось, всё происходящее было плодом его фантазии, сперва проявившейся в облике обворожительной Виринеи, а теперь в виде загадочного странника, *прилетевшего на корабле.*

— Я покажу вам его знак, — проговорил мудрец и потянулся к ножнам.

Островитяне дрогнули, несколько человек сделали шаг назад, видимо, подумав, что чужеземец может угрожать. Но тот повернул вытянутый меч остриём к земле, после

чего повёл им в воздухе — загоревшийся голубым светом топаз оставил за собой линию. Вздох удивления пробежался по толпе.

Мудрец несколько секунд поводил в пространстве рукоятью меча, и вот в воздухе завис знак из двух переплетающихся линий и искры, сотворённых из самого света. Толпа восторженно зашептала.

— Чтоб у меня последние волоса повыпадали! — воскликнул пьяный Горин.

— Лиафар, — шёпотом обратился к другу стоявший рядом Агат. — Тот самый символ... Чего ты медлишь?

— Не знаю, — честно ответил Лиафар. Он и вправду до конца не понимал, что не позволяло ему сдвинуться с места: смятение, страх или ощущение нереальности происходящего. В какой-то момент он хотел двинуться вперёд, но стопы словно приросли к земле.

На время праздника Лиафар успел позабыть про сон и сообщение на клочке бумаги, в которую был завёрнут символ на цепочке, но тут всё неожиданно возвратилось и обернулось настоящим потрясением. Всего несколько часов назад в волшебном сновидении к нему явилась прекрасная Виринея, и вот уже посреди поля стоял странствующий чародей, чертивший в воздухе знакомый символ.

«Что же делать? — взволнованно кричал он в мыслях, споря с внутренним голосом. — Выйти и показать всем руку? Может, речь вообще не обо мне? А о ком же ещё? Может, дождаться, пока все разойдутся? Что же делать?»

— Он здесь! — неожиданно выкрикнул Агат и подтолкнул друга вперёд.

Лиафар потрясённо повернулся к нему, но отступить было поздно. Едва Лиафар вышел из толпы и направился к чародею, как символ Спасителя растаял в воздухе. Прибли-

жившись к страннику на негнущихся ногах, юноша замер. Мудрец улыбнулся ему одними глазами и указал рукоятью с кристаллом на его обвязанную руку. У Лиафара не осталось сомнений в том, что незванный гость был хорошо осведомлён о символе на его руке, поэтому послушно снял дрожащими пальцами повязку, после чего показал тыльную сторону кисти чужестранцу.

Островитяне вокруг ещё пуще зашептались.

— Приветствую тебя, Спаситель!

Мудрец пригласил Лиафара подняться на корабль для беседы, но юноша побоялся летучей махины и вместо этого предложил пройти к нему домой. Мудрец, понимающе кивнув, согласился. Островитян он убедительно попросил не забираться на корабль и вообще не обращать на него внимание, а продолжать праздник, который он так бесцеремонно прервал. Трап по мановению его руки убрался обратно на палубу. Жителям деревни по-хорошему стоило бы завершить праздничный вечер, но, несмотря на поздний час, в них как будто бы открылось второе дыхание. Видимо, не хотели расходиться из любопытства, питаемого к судну — не то воздушному, не то плавательному — и его владельцу.

По пути к дому Лиафар увидел, что убранные назад седые волосы мудреца перевязаны по всей длине чем-то вроде бечёвки и тянутся чуть ли не до земли. Юноше никогда раньше не приходилось видеть столь длинные седые волосы у мужчины средних лет.

— Что, старым тебе кажусь? — заметив робкие взгляды островитянина, спросил мудрец.

— Нет, что вы, — замялся Лиафар, быстро отведя глаза

в сторону. — Просто...

— Просто на вид мне и пятидесяти нет, а волосы длиной и цветом напоминают стариковские? — усмехнулся чародей. — Да, многие удивляются, впервые увидев меня. Когда-нибудь я непременно расскажу тебе, что да как, а пока есть более насыщенные темы для беседы.

Они как раз приблизились к дому. Дверь была припёрта крупным камнем — в Островке все друг друга знали, доверяли, оттого и не запирали двери на замок. Пройдя в потёмках, Лиафар зажёл свечи от догоравшего в печи огня, подбросил в очаг дров, подвесил над пламенем чайник и вместе с чародеем устроился за столом.

— На мой счёт не беспокойся, я не голоден, — промолвил мудрец, опередив вопрос.

— Хорошо... попьём чаю, если пожелаете, — произнёс учтиво Лиафар.

Последовало неловкое — для Лиафара — молчание. Чародей отложил меч на скамью и при свете пляшущих огоньков свечей уставился в глаза юного островитянина пронизывающим карим взором. Сложно было понять по его строгому выражению лица, о чём он думает, тогда как растерянная мина Лиафара говорила сама за себя.

— Я прилетел на корабле, — первым нарушил тишину мудрец, — чтобы разъяснить тебе твоё предназначение, Избранник.

— Моё предназначение?

— Да, — вкрадчиво подтвердил мудрец. — Ты избран для особой миссии. Не скрою, она отнюдь не простая и чрезвычайно важная. От успешности её выполнения зависит спасение многих жизней: сотен и даже тысяч.

Вновь повисла тишина. Мудрец терпеливо ожидал реакции Лиафара, а того не покидало ощущение, будто всё про-

исходящее видится ему в бредовом сне.

— М-м... И от чего... или от кого я должен спасти тысячи жизней? — силился распутать клубок мыслей Лиафар.

— От врага — Бессмертного Адегора. Так его прозвали, потому что никто не знает, как его одолеть, и остаётся он бессмертным более четырёхсот лет, хотя особо и не высывается последние два столетия. Посему многие уверены, что его давно нет в живых, другие, напротив, считают, что он накапливает силы. Впрочем, мне достоверно известно, что злодей живее всех живых.

— Больше четырёхсот лет? Да разве столько живут? — изумился Лиафар. Он слышал о долгожителях, чей возраст переваливал за сотню, но они вели малоподвижный образ жизни, и уж точно не строили козней. Тут же на ум пришёл логичный вопрос: — И как же его одолеть, если он бессмертен?

— У всего есть начало и конец. Тебе-то как раз и предстоит выяснить секрет врага. Одолев его, мы освободим тем самым чудесное создание. Она заточена в подгорном царстве Адегора, некогда известном как Чернигрум, что в Чёрных горах... — Мудрец говорил так непринуждённо, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном. — Неужто все думают, что она намеренно обрекла людей на голодную смерть? Или ты считаешь, это в порядке вещей, когда в августе мы кутаемся в плащи?

— Вы говорите о птице Мираж? — озвучил сумасшедшую догадку Лиафар. Только сегодня они с Агатом, бабушкой и дедом обсуждали вероятность её существования, и Лиафар пришёл к выводу, что её, скорее всего, выдумали люди с богатой фантазией, вроде дяди Горина. — Неужели она правдашняя?

— Взаправдашнее некуда, — без тени насмешки произнёс мудрец. — Она, конечно, скрытна, и мало кто мог бы

похвастаться, что видел её собственными глазами. Но тебе ведь известно, что она является главной управительницей природных сил?

— М-м... — вместо ответа промычал Лиафар. — Значит, поэтому мир чахнет? Всё без неё погибает?

— Так и есть, — кивнул мудрец. — Поможешь её освободить — и всё придёт в норму. Пока же приходится наблюдать, как природа увядает, с каждым днём становясь всё угрюмее и безжалостнее. Слишком долгой была зима, а лета так и не наступило... Но ты сможешь всё изменить.

— Я?.. Но почему я? Я ведь обычный человек.

— Тебя избрала сама Мираж. А если бы ей нужен был обычный человек, она бы выбрала, по крайней мере, кого-то постарше. В тебе же есть дремлющие силы.

— Во мне? — ещё больше округлил глаза Лиафар.

Чародей приподнял одну бровь, как бы указывая на очевидное.

— Извините, просто...

— Нет, не оправдывайся, — дружелюбным тоном продолжил мудрец. — Твои сомнения мне понятны. К слову, Мираж рассказала немного о том, кто ты и где тебя отыскать. А несколько часов назад сообщила, что ты пребываешь в страшном смятении. И это неудивительно, раз ты сам о себе многого не знаешь. Ну а чтобы ты не сомневался в своём избрании, я начертал в воздухе символ, который отпечатан у тебя на руке.

Лиафар непроизвольно коснулся правой руки. Выходит, Виринея была как-то связана с птицей Мираж и по её завету отметила Лиафара как вероятного противника бессмертного врага и освободителя Управительницы природы.

— А как выглядит эта птица? — поинтересовался юноша.

— Честно говоря, я не помню, — задумчиво произнёс чаро-

дей. — Давно её видел в последний раз, да и то мельком. Потому так и зовут её — Мираж.

— А как же она вам...

Слова его заглушил звук трепыхающейся крышки. Лиафар подскочил к печи, чтобы снять чайник с огня, так и не выяснив, что означали последние слова мудреца о птице Мираж. Заварив ароматный чай, юноша вернулся за стол, и они с гостем взялись за горячие глиняные чашки.

— Давай к делу, — возобновил беседу мудрец. — В первую очередь, тебе нужно спешить и уже завтра плыть в Павловск. Боюсь, мы упустили много времени, пока думали-гадали, как поступить, да и тебя не сразу отыскивали... Путь твой будет достаточно длинным и непростым. Для похода тебе кое-что понадобится. В Зеленограде разыщи моего старого знакомого, резчика по дереву — старца Кирилла. По утрам он посещает городскую ярмарку. Сейчас, конечно, это не та ярмарка, что была год назад, — добавил он, как бы указывая, что мир перестал быть прежним и всё будет только хуже, если не исправить. — Кирилл предоставит тебе самое необходимое в дорогу. Он невысокого роста, повсюду ходит с тростью, рукоять которой увенчана вырезанной деревянной совой.

После отправляясь к царю Дандору и для защиты от прислужников врага одолжи перо птицы Мираж. Собственно, я уже попросил государя, и он дал согласие. Тебя будут ждать на исходе месяца. К этому времени ты вполне успеешь добраться до дворца. К слову, в последний день лета состоится небольшое празднество по случаю именин старшей дочери царя Дандора, Полетты, так что не будет лишним при встрече поздравить её.

Лиафар немигающим взглядом взирал на мудреца. Ко всему прочему, ему предстояло встретиться с царевной,

молва о красоте которой шла по всему Златоземью. А чародей, в свою очередь, сделал паузу, чтобы юноша имел возможность усвоить услышанное.

Ждать пришлось долго: Лиафар будто бы забыл про гостя, настолько глубоко в себя его погрузили речи об ответственном походе. Когда стало невозможным хранить молчание, мудрец мягко прочистил горло и неторопливо заговорил:

— После визита к царю твой поход продолжится в край Дремучего леса. Тебе необходимо разыскать там старую ведьму — Аламаз. Согласно слухам и байкам, она давно поселилась в лесу и живёт отшельницей вдали от людей. Ей одной известна тайна Адегора, но открыть её она готова лишь Спасителю. Таким образом, твоя миссия состоит в том, чтобы узнать тайну бессмертия, с её помощью одолеть злодея и освободить птицу Мираж, — подытожил он. — В этом тебе помогут скрытые силы.

И снова Лиафар ответил молчанием. Мудрец его не торопил. Было бы нелепостью ожидать от юноши сиюминутного ответа и, тем более, рьяной готовности тотчас же отправиться в путь. Сделав глоток чая, путешественник из дальних стран предположил:

— У тебя, верно, накопилась уйма вопросов. Задавай — я с радостью отвечу.

— Да, всего один вопрос.

— Сколько угодно, — с готовностью отозвался мудрец.

— Я с трудом понимаю, о чём вы говорите. В смысле, не то чтобы я глупый, просто в толк не возьму... Почему меня избрали Спасителем, даже не спросив?

Мудрец тепло улыбнулся, словно услышал от ребёнка вопрос о цвете листвы на деревьях.

— Прозвучит, может, не убедительно, но... это твоя судьба. И сейчас она полностью обозначена. Во все времена

для спасения от тёмных сил выбирались самые могущественные, самые одарённые люди — потомки Перворождённых. Сегодня о них можно узнать лишь из легенд и сказок, передаваемых и со временем перевираемых из поколения в поколение. Но они и сейчас живут среди нас, однако их осталось очень немного... И, хотя об истоках скрытых в тебе сил мы можем только догадываться, я убеждён: твоё избрание — не случайность, ты также являешься наследником Перворождённых.

Мудрец говорил твёрдо, но размеренно, его голос действовал на островитянина успокаивающе. Однако поверить в услышанное было непросто. Тётушка Лиафара обладала даром предвидения, прабабушка тоже имела талант, но он... Он никогда ничем не отличался от сверстников.

— Значит, я — наследник?.. Вы уверены?

— В мире немало чудес: для кого-то это сказка, для кого-то жизнь, — неторопливо растолковывал чародей. — Есть люди, которые видят больше нашего, заглядывают в судьбы других людей. Вот и твою судьбу однажды, скажем так, подглядели. Предсказания, разумеется, не всегда точны, так как в них порой не верно указываются те, к кому они относятся, да и люди сами вольны выбирать: следовать предречённому или нет. Перед тобой также сейчас стоит непростой выбор. Но твоя миссия — спасение Златоземья — более чем благородная.

— Но даже, если и так, почему именно я должен спасти Златоземье?

— Ты ничего никому не должен, — с расстановкой ответил мудрец. Он чуть подался вперёд, чтобы лучше видеть лицо Лиафара. — Но на тебя возложены большие надежды. Нынешний мир и порядок удаётся сохранять невероятными усилиями, о которых мало кому известно, но и это

временно. И самое главное. Эта миссия тебе доверена лишь потому, что она тебе по силам.

Через окно слышалась музыка вдали — праздник в поле продолжался. Судя по всему, островитяне решили не ложиться этой ночью в ожидании новых поражающих воображение событий. А Лиафар напряжённо размышлял, как ему поступить. Хватит ли у него смелости согласиться на опасное предприятие? Он не знает, что будет ждать его в пути, а судя по рассказу мудреца, ничего хорошего. Часто во снах Лиафар исследовал края, в которых никогда не был, и всегда присутствовало горячее желание повидать чужедальные земли. Именно поэтому всякий раз, когда возникала необходимость плыть в Павловск, он с большой охотой вызывался помочь деду или Агату. Но ведь то, на что его подвигали, не было увеселительной прогулкой.

Островитянин посмотрел в искрившиеся добродушием глаза мудреца, ожидавшего ответа, и открыл было рот, но слова потерялись на полпути к языку. Лиафар смущённо отвёл взгляд в сторону. Мудрец терпеливо ожидал, медленно потягивая чай и похрустывая чёрствой баранкой. Когда же Лиафар вновь поднял глаза на собеседника, тот с готовностью отставил чашку и всем видом выразил желание слушать.

— Я не знаю, что вам ответить, — вздохнул Лиафар. — Мне и восемнадцати нет. Я обыкновенный... А вот вы! — вдруг, озарённый мыслью, воскликнул он. — Вы же мудрец! Чародей! Почему *вы* не спасёте мир?

— У меня иное предназначение.

Мудрец произнёс последние слова со всей серьёзностью, покачав головой из стороны в сторону, так что никаких возражений за этим последовать попросту не могло.

Лиафар снова умолк. С одной стороны, мудрец был так

убедителен, что сомневаться в его искренности не приходилось, но с другой — Лиафар боялся пойти на поводу собственной доверчивости. К тому же ему показалось, что у самого мудреца не имелось ответов на все вопросы.

Чародей, понаблюдав за метаниями юноши, внёс новое предложение:

— Давай так: сейчас ничего не решай, ответ огласишь утром, а пока слушай, договорились?

Лиафар обрадовался предложению. Можно было всё хорошенько обдумать за ночь и, главное, до утра избежать скоропалительных решений. Слегка поколебавшись, он кивнул.

— Чудесно, — отозвался мудрец и продолжил обрисовывать ситуацию. — Предсказание, однако, может быть известно и врагу, а посему распространяться в пути о том, кто ты и в чём цель твоей миссии, не стоит... В лесу и горах передвигаться лучше по ночам, чтобы оставаться бдительным в это время суток. Потому что ночью, во тьме, могут скрываться слуги Адегора и другая нечистая сила.

— Слуги? Это кто же? — осведомился обескураженный Лиафар.

— Черти, — просто ответил мудрец. — Они обитают преимущественно в горах, точнее, под горами, но вероятность встретиться с ними где-то в окрестностях тоже весьма высока. Они не отличаются большим умом, но славятся кровожадностью. По крайней мере, так было в незапамятные времена.

— Мне придётся с ними бороться? Их ведь можно одолеть? — с надеждой спросил Лиафар.

— Да, но только светом. Оружие против них мало поможет, если ты встретишь их ночью. Ночь — их помощница, свет — погибель. Именно поэтому тебе необходимо перо птицы Мираж, — обнадёживающе проговорил мудрец.

— Но как перо сможет мне помочь?

— Увидишь его и всё поймёшь.

Лиафар попытался вообразить наполненное опасностями путешествие, но то было ему совершенно незнакомо. Поэтому он подумал о чём-то более доступном пониманию: об одиночестве, в котором ему предстояло отправиться в путь. Ведь не попросит же он Агата ввязаться с ним в такое предприятие — он тут ни при чём... И всё же Лиафар очень редко оставался в одиночестве, с раннего детства проводил время в компании с лучшим другом, и с трудом мог представить предстоящий поход без него.

Затем Лиафар вспомнил стариков и с ужасом подумал о том, как они воспримут весть о походе в Чёрные горы.

— А как же мои бабушка с дедом? Как я их оставляю?..

— Вот уж об этом не тревожься. Я с ними побеседую. Уверен, они поймут важность твоей миссии и будут горды, что именно их внуку оказано такое доверие. В любом случае, они, как и я, поддержат тебя независимо от того, какое решение ты примешь.

Лиафар был благодарен мудрецу за чуткость. Будь он более настойчив, юноша сразу бы отказался. Сделав небольшой глоток остывшего чая и погружаясь всё глубже в пучину мыслей, Лиафар невидяще кивнул. Потом хотел было выразить сомнения вслух, но, взглянув в глаза мудреца, передумал.

— Ты справишься, Спаситель, — приободрил его мудрец, вновь излучая добродушие, и в это мгновение, вопреки предостерегающему голосу разума, Лиафар ему поверил.

